

А.В. БРУШЛИНСКИЙ В МОЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУДЬБЕ

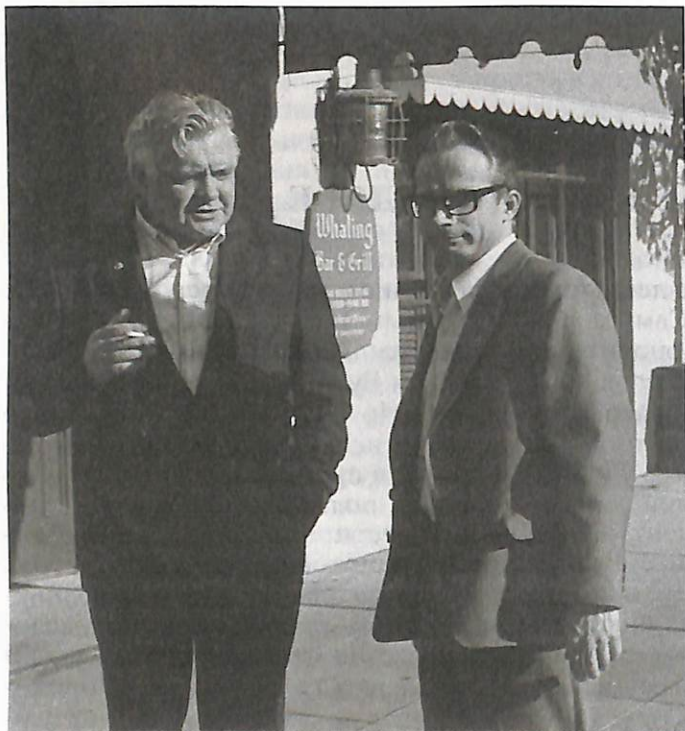
Судьба распорядилась так, что мы с Андреем Владимировичем Брушлинским знали друг друга 27 лет (с октября 1974 г.), из которых 12 лет сотрудничали очень тесно, причем по самым разным вопросам: научным, административно-организационным и просто человеческим. Они порою перемешивались так, что невозможно было их как-то однозначно квалифицировать. Все эти годы я воспринимаю, конечно же, субъективно, как наше постепенное и постоянное взаимное движение навстречу. И оказалось, что основные шаги этого движения незаметно для меня, но прочно врезались в мою память, долгие годы хранились на уровне неосознаваемого и резко воспроизвелись в моем сознании после той трагедии, которая унесла из нашей материальной жизни Андрея Владимировича. Шагов навстречу было много, описать их все будет достаточно трудно, однако важно то, что они были движением к пониманию друг друга и взаимному доверию. А насколько это сложно – знает всякий, и не только психологи!

Если быть совсем точным, то мое знакомство с А.В. Брушлинским состоялось еще раньше и заочно, через его публикации по психологии мышления, которые я “проходил” весной 1969 года, в соответствующем разделе – “Экспериментальной психологии”, будучи студентом 2-го курса ЛГУ. Это действительно был первый, но для меня обязательный, шаг навстречу научным трудам Андрея Владимировича.

Нашему научному взаимодействию фактически проложили дорогу идеи С.Л. Рубинштейна. От преподавателей студентам ленинградского факультета психологии передавалось не только положительное отношение к его научным идеям, но и психологическая готовность к их использованию в своих исследованиях и даже разработке и развитию. Рубинштейн воспринимался нами как “ленинградец”, последние годы своей жизни перед смертью работавший в Москве. А так как, начиная с 1967 г., “ленинградцем в Москве” стал и Б.Ф. Ломов, то в нашем формировавшемся профессиональном сознании Рубинштейн оценивался как яркий представитель ленинградской психологической школы, занимавшей определенные позиции в Москве. Все также знали о хорошем отношении Б.Г. Ананьева к работам Рубинштейна: об этом неоднократно приходилось слышать и

в лекциях Ананьева, и от других преподавателей. Самым показательным для студентов было исключительное разрешение Ананьева пользоваться учебным пособием Рубинштейна “Основы общей психологии” (1946 г.), хотя на факультете было принципиально нежелательно использование учебных пособий в процессе профессиональной университетской подготовки. Каждый студент мечтал приобрести любую книгу Рубинштейна в личную библиотеку. Знали мы и о том, что в свое время Рубинштейн по просьбе Ананьева принял на работу в руководимое им подразделение одну из выпускниц отделения психологии ЛГУ (позднее я узнал, что это была Е.В. Шорохова), а также о многом другом, свидетельствующем о их тесном сотрудничестве.

Мое обращение к работам Рубинштейна состоялось в 1973 г., в первом же научном исследовании на заочном отделении аспирантуры Института психологии АН СССР и незадолго до личного знакомства с Брушлинским. Это исследование первоначально было посвящено психологическим особенностям деятельности и личности руководителя трудового коллектива. В решении психологической проблемы соотношения деятельности и личности Рубинштейн, в моем представлении, был “незаменим”, поэтому и востребован. Пользуясь сегодняшним “рыночным” языком, я выступал в качестве “потребителя” его научной продукции. Когда же диссертационное исследование было завершено и стали появляться мои публикации, сам факт опоры на Рубинштейна не остался незамеченным. И обратил на это внимание именно Андрей Владимирович в нашем коротком разговоре. Пишу об этом ради одной его фразы, суть которой помню очень хорошо. Тогда в разговоре я сказал, что сослаться на Рубинштейна для меня было функциональной потребностью, так как я принимаю его решение проблемы и тем самым как бы не придаю большого значения самому факту опоры на него, придавая огромное значение его представлениям. И на это Андрей Владимирович сказал следующее: “Да нет же! Ведь Вы могли опираться на других авторов, разрабатывавших ту же проблему, но Вы обратились к Рубинштейну, и это очень хорошо. Тут мы близкие коллеги!”. Хорошо это помню потому, что тогда содержание нашего разговора меня очень удивило: повод для него казался мне слишком обыч-

Б.Ф. Ломов и А.В. Брушлинский
во время командировки в США (1980 г.)

ным. Я и нашему разговору о Рубинштейне не придавал в то время должного значения. Несколько позднее, когда жизнь позволила узнать значительно больше, может быть, даже больше, чем этого хотелось бы, я совсем по-другому стал воспринимать слова Андрея Владимировича о Рубинштейне, а главное – его работы: стал больше вчитываться, вдумываться, появилось более частое и развернутое и, с “высоты” сегодняшнего времени, более уместное цитирование. Короткий разговор заставил меня рефлексировать свои методологические и теоретические позиции.

Очень важно подчеркнуть и то, что вторая половина 70-х–начало 80-х гг. – это период совместной работы с К.А. Абульхановой-Славской в секторе социальной психологии, руководимом профессором Е.В. Шороховой. Именно в этот период для многих молодых сотрудников и аспирантов Ксения Александровна сделала Рубинштейна более понимаемым и принимаемым философом и психологом. Можно сказать, что в эти годы значительно усилилось влияние научных представлений Рубинштейна на социально-психологические исследования в Институте психологии АН СССР. Не только наша совместная работа, но прежде всего монография Абульхановой-Славской “Деятельность и психология личности” (1980 г.), основанная на методологии Рубинштей-

на, сыграла в этом наиболее принципиальную роль.

Близкое знакомство с Андреем Владимировичем фактически состоялось в январе–феврале 1980 г. во время совместной трехнедельной командировки в США, в которой мы оба оказались благодаря желанию и усилиям Б.Ф. Ломова – руководителя нашего Института и главы научной делегации. И там я впервые близко узнал многие профессиональные и человеческие качества Андрея Владимировича, которые для этого не нужно было тестировать или специально выяснять, так как проявлялись они повседневно и повсеместно: глубокая погруженность в науку, преданность своей школе и своему Учителю, высочайшая интеллигентность и толерантность по отношению к другим людям (а это точнее всего оценивалось именно в зарубежных групповых поездках), глубинная скромность, аскетическая стойкость, просто завидная принципиальность, заметное, но не бросающееся в глаза достоинство и многие другие.

Каким же огромным было наше общее удивление, когда в декабре 1981 г. Борис Федорович взял нас с собой в такую же командировку во второй раз. И здесь, как и впоследствии, я только укреплялся в сложившемся мнении о Брушлинском, постепенно узнавая все новые достойные его качества, тонкости их проявления.

Крупный профессиональный разговор состоялся у нас по моей инициативе в конце 1984 г., после выхода интересной статьи А.В. Брушлинского “Деятельность, действие и психическое как процесс” в № 5 “Вопросов психологии”. В тот период в нашей лаборатории социальной психологии, реализуя целевую комплексную программу по психологическим проблемам совместной деятельности, очень активно велись эмпирические исследования совместной трудовой деятельности на модели производственных бригад. Были выделены ее важнейшие структурные и динамические характеристики, но в исследовании последних мы столкнулись с серьезными методическими трудностями. Содержание статьи, а также целая серия разговоров с Брушлинским помогли существенно осознать, а несколько позднее и сформулировать ту теоретическую платформу, с позиций которой велись наши эмпирические исследования. Для меня это было принципиально важно еще и потому, что вместе со мной, в том числе и под моим руководством, работали многие аспиранты, для которых важно было представлять не только эмпирическую, но и теоретическую специфику проводившихся исследований, поскольку теоретическим проблемам совместной деятельности в нашей лаборатории придавалось огромное значение. Именно тогда, и во многом благодаря работам С.Л. Рубинштейна и А.В. Брушлинского, было взято за

основу методологическое положение о том, что динамический, процессуальный (а не структурный) аспект в анализе совместной деятельности является специфически психологическим, фактически определяющим основной предмет исследований совместной деятельности. Более того, исследуя даже структурные компоненты совместной трудовой деятельности, мы стали опираться (а позднее и цитировать в своих публикациях) на положение Брушлинского о том, что «все компоненты прежней схемы расчленения деятельности: действия, операции, мотивы и т.д. — выступают в новом, «более психологическом» качестве, когда они начинают изучаться в их процессуальности (т.е. с позиций теории психического как процесса)» (стр. 20 упоминавшейся выше его статьи). Об этом говорилось в трудах лаборатории «Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда» (Наука, 1987) и «Совместная деятельность: методология, теория, практика» (Наука, 1988). Практически всю вторую половину 80-х гг. в коротких разговорах Андрей Владимирович интересовался результатами исследований совместной деятельности. Обо всем, что бы я ни рассказывал, он говорил: это интересно, поддерживал, советуя при этом писать побольше и подробнее.

После избрания и утверждения в начале 1990 г. А.В. Брушлинского новым директором Института психологии АН СССР наше взаимодействие стало не только регулярным, но и очень интенсивным, хотя всегда, может быть, за исключением последних трех лет, оно было только деловым и даже функциональным, т.е. организованным вокруг конкретных вопросов, задач, научно-производственных потребностей. Заведую лабораторией социальной психологии, мне регулярно приходилось заниматься по просьбам и поручениям Андрея Владимировича не только делами лаборатории, но и общеинститутскими делами, ответственность за которые была на нем. И я всегда старался идти навстречу, тщательно выполняя его многочисленные поручения не только из чувства долга: было что-то большее в моем отношении к Андрею Владимировичу, что мною до сих пор еще так и непонято.

В феврале 1992 г. я получил предложение А.В. Брушлинского занять должность его зама по Институту. Сегодня, как и тогда, я до конца не знаю мотивацию этого предложения, но в его обращении были слова о том, что ему в тот период нужна была моя помощь. Я категорически отказал: причины этого сейчас не принципиальны, главное же в том, что мною не было понято и принято приглашение к такому сотрудничеству. Сейчас, после тяжелого года исполнения обязанностей директора института (а он в тот период,

напомню, исполнял их в течение двух лет), я хорошо стал понимать, что означает испытывать потребность в помощи другого, и совсем по-иному стал оценивать свой давний отказ.

Более того, история повторилась дважды: ровно через год, в феврале 1993 г., Андрей Владимирович снова обратился ко мне с той же просьбой. Было много уговоров со стороны близких мне коллег, но я лишь снова повторился, не сделав шаг навстречу. Но следует сказать: мои отказы пойти ему навстречу никак не сказались на наших деловых отношениях, — все шло так, как было предначертано судьбой.

Думая о становлении нашего сотрудничества, непроизвольно задаюсь вопросом: а были ли такие ситуации, в которых, как бы в свою очередь, Андрей Владимирович не сделал шаг навстречу мне. И такой ситуацией было многократное обсуждение названия руководимой мною лаборатории, в которое наряду с традиционной «социальной психологией» Андрей Владимирович предложил дополнительно «и экономической» психологии. Свою позицию я активно старался аргументировать тем, что лаборатория занимается исследованиями не только экономического, но и политического, этнического и некоторых других конкретных видов сознания и социального поведения личности и группы, которые логично объединить названием «социальная психология». Брушлинский считал, что необходимо также исследовать психологические аспекты макроэкономических явлений, не ограничиваясь микроэкономическими феноменами. И в таком случае «экономическая психология», изучающая экономический базис общества, может рассматриваться шире традиционной социальной психологии. Иногда наши обсуждения приобретали форму острых дискуссий, в которых Андрей Владимирович проявлял великолепное мастерство. Хорошо известно, каким он был искушенным диспутантом! Отступая и обещая планировать исследования макроэкономических процессов, я неоднократно просил его не вносить изменения в название лаборатории. Однако меня окончательно убедил его директорский аргумент о том, что экономистам РАН нужно открыто показать, что Институт психологии занимается проблемами экономики и что в Институте есть для этого специальное структурное подразделение. Конечно, в тот период, когда состоялись эти обсуждения, невозможно было представить, что придет время, и психологов объединят вместе с экономистами в одном Отделении общественных наук РАН. Я хорошо помню описанную ситуацию, в которой мы не пришли к единому пониманию, именно потому, что значительно позднее (в мае 2002 г.) на первом общем собрании Отделения общественных наук один из

очень известных экономистов РАН спросил меня: “Занимается ли Институт психологии экономической психологией, очень популярной на Западе?”. Я ответил словами А.В. Брушлинского: “Институт не просто занимается проблемами экономики, но имеет в своей структуре даже специальное подразделение”, – несколько удивив этим задавшего вопрос.

... Андрей Владимирович продолжал интересоваться исследовательскими работами лаборатории социальной психологии. Эмпирические исследования в лаборатории выполнялись интенсивно все 90-е гг. XX в., а их результаты были очень востребованы нашим директором: на них шли ссылки практически во всех публикациях Брушлинского, активно использовались в его достаточно частых научных докладах и выступлениях, при подготовке многочисленных интервью для СМИ – объяснялось все это и актуальностью разрабатываемых вопросов, и броской остротой получаемых результатов исследований, спрогнозировать которые было невозможно из-за большой новизны времени 90-х годов. Сейчас мне более стало ясно, почему он так глубоко вникал в труды лаборатории, фактически идя навстречу каждому нашему тематическому ежегоднику, начиная с 1995 и по 2001 г. А с некоторыми из них, по его просьбе, он знакомился еще в рукописи, испытывая потребность сослаться на неопубликованные материалы о социальной психологии того времени, в котором все мы жили. Причины эти, тогда и сейчас, состоят в специфике Отделения Академии наук, в которое входил и входит Институт психологии, по сути, а сейчас и по названию, – Отделения общественных наук.

С самого начала своего директорства лабораторию социальной психологии Брушлинский отнес к группе подразделений Института, которые активно разрабатывали психологию субъекта, ставшую с 1990 г. общеинститутской темой. Исследования нашей лаборатории он связывал, в частности, с изучением психологии группового (коллективного) субъекта. И для этого были серьезные основания. Во-первых, проявление научного интереса к этому важнейшему феномену и использование соответствующих понятий “коллективный субъект”, “коллектив как субъект управления”, “коллективный субъект управления” и т.п. встречаются в работах лаборатории, начиная с 1976 г. совершенно точно, а возможно и раньше, т.е. задолго до того, как эта тема стала центральной в нашем Институте. Во-вторых, в середине и второй половине 70-х гг. проблема субъекта в психологической науке была также тесно связана с работами К.А. Абульхановой-Славской, опубликовавшей монографию “О субъекте психической деятельности” (1973 г.). Так как

достаточно продолжительный период Ксения Александровна активно работала в секторе социальной психологии, психология субъекта была для всех нас хорошо известной научной проблемой исследований, ведущей свое начало из ранних работ Рубинштейна. Именно поэтому нам было достаточно просто давать исследовательские результаты, интерпретированные в терминах субъектно-деятельностного подхода. Для этого не нужно было что-либо менять: мы и раньше работали с позиций данного варианта деятельностного подхода, который, в нашем представлении, был одной из форм конкретизации более общего системного подхода к исследованию психического.

В контексте рассматриваемой темы принципиально новым шагом со стороны А.В. Брушлинского в этот период стала одна из его публикаций, в которой я был отнесен им к ученикам и последователям С.Л. Рубинштейна, причем фамилия упоминалась, по моему мнению, в недопустимо узкой группе исследователей (три человека). Ранее меня это заметили мои коллеги, показав мне текст. Я воспринял это чрезвычайно ответственно, ибо относил себя, повторяюсь, к “пользователям со стажем” научной методологии С.Л. Рубинштейна, а не к тем, кто активно и осознанно продолжал разрабатывать и развивать его систему представлений. В моем понимании, если речь идет об учениках и последователях, то они должны были бы активно развивать его идеи, что, собственно говоря, и делают некоторые наши коллеги. Все эти размышления стали причиной инициации мною разговора с Андреем Владимировичем, который получился очень продолжительным и содержательным, а посвящен был, конечно же, совсем не тому, с чего я пытался его начать. Приведу слова А.В. Брушлинского, совершенно точно передавая смысл сказанного им: “Да, я сделал это сознательно, но это так и есть! Посмотрите на свои работы... Надеюсь, Вы против этого не возражаете?!”. Возражать тому, что я являюсь последователем С.Л. Рубинштейна, причем в оценке его ближайшего ученика, я, конечно, не стал, но этот разговор снова заставил меня интенсивно думать над теоретической системой научных взглядов, которую я реализую в своих эмпирических исследованиях, причем на этот раз не только в моем, но и в представлении значимых для меня коллег.

Основная же часть нашего разговора касалась будущего научно-психологической школы С.Л. Рубинштейна. И в этом ярко проявились, с одной стороны, высочайшая личная ответственность А.В. Брушлинского, а с другой – не просто волнение или беспокойство, а выраженная тревога за судьбу этой фундаментальной школы, что у меня, в отличие от Андрея Владимировича, не вызыва-

ло никаких опасений. Он неоднократно и достаточно развернуто объяснял свою высокую активность в отстаивании и проведении научных идей школы Рубинштейна, становясь при этом очень эмоциональным и даже несколько торопливым. Было такое впечатление, что он боится что-то не успеть сделать сам. Необходимость и оправданность такой активности он доказывал и собеседнику, и в какой-то степени себе, а его взволнованные слова: “Кто все это будет после нас делать?!” – слышали многие.

Однако это большая и специальная тема, достойная особого анализа, так как он поднимал ее довольно часто в разговорах с коллегами, но об одном сказать очень важно. Именно в этом хорошо запомнившемся разговоре А.В. Брушлинский попытался дать оценки той научной “дистанции”, которая, по его мнению, существует между наиболее признанными школами в отечественной психологии. Я слышал это впервые, однако, судя по его обстоятельным и очень взвешенным оценкам, создавалось впечатление, что Андрей Владимирович думал об этом неоднократно. Итогом его размышлений было убедительно сформулированное суждение о том, что научные идеи Рубинштейна более всего согласуются с психологической школой Ананьева-Ломова. Я не только не смог скрыть того, что мне было исключительно приятно это слышать, но и стал высказывать дополнительные аргументы, свидетельствующие о близкой “дистанции” между этими школами. В заключение нашего разговора Андрей Владимирович снова вернулся к его началу, сказав мне несколько высокопарно и в то же время шутливо: “Получив образование на ананьевском факультете и сформировавшись как ученик Ломова, теперь Вы логично становитесь и последователем Рубинштейна...”. Согласились мы на том, что я буду продолжать об этом думать, имея в виду содержательную близость научных школ.

Важнейшими взаимными шагами навстречу были его приглашение в 1997 г. принять участие в исследовательском гранте РГНФ по проблеме субъекта в психологической науке и мое согласие на это с большим удовлетворением. Эта трехлетняя работа оказалась очень продуктивной для меня в теоретическом плане: были выделены и проанализированы самые разные смыслы используемого понятия “коллективный (групповой) субъект” в отечественной социальной психологии, а также различные теоретические подходы к его исследованию. Из контекста научных обсуждений, которые у меня состоялись с Андреем Владимировичем по данной теме, выделяю хотя бы два следующих момента. Первый заключается в том, что в разговоре нередко осознается необходимость разработки ограниченного числа

четких критериев субъекта, так как их отсутствие затрудняет взаимопонимание, и не только со мной. Был такой момент, когда мы договорились, что каждый сделает это независимо: он – для субъекта вообще, а я – для группового (коллективного) субъекта, а потом сопоставим выделенные нами критерии. Любопытно, что и то, и другое было сделано и даже опубликовано. И второй момент. Начиная анализировать истоки использования понятия “субъект” в психологии, я, естественно, обратился к ранней публикации С.Л. Рубинштейна “Принцип творческой самостоятельности”, в которой он прежде всего раскрывает **главные особенности деятельности**. И **первой среди главных** ее особенностей он выделяет следующее: “это всегда деятельность субъекта (т.е. человека, а не животного и не машины), точнее **субъектов, осуществляющих совместную деятельность**” (выделено мною. – А.Ж.). В ближайшем же разговоре с Андреем Владимировичем я заявил, что, согласно Рубинштейну, неточно использовать термины “деятельность субъекта”, ибо деятельность совместна и может осуществляться только субъектами, т.е. группой. Отсюда неточно говорить об “индивидуальном субъекте”, точнее – о “групповом”. Андрей Владимирович весь был в улыбке так, как на моих глазах бывал нечасто, поэтому далее я в шутку сказал, что до сих пор он “неточно” изучал психологию субъекта и что теперь ему придется очень серьезно заняться проблемами совместной деятельности и группового субъекта, чтобы точно следовать научным представлениям С.Л. Рубинштейна. Андрей Владимирович парировал это мгновенно, сказав: “Нет, это Вам придется продолжить этим заниматься и даже, может быть, более серьезно, чем это Вы делаете сейчас”. На мой вопрос о том, как же все-таки быть с пониманием Рубинштейном главной особенности деятельности, Андрей Владимирович сказал с некоторыми для меня заметными затруднениями и неловкостями: “Это была ранняя работа!”. Честно говоря, здесь я согласен с молодым Рубинштейном, и вопрос этот для меня остается во многом открытым.

В 1999 г. в издательстве “Наука” вышла принципиально важная для нашей лаборатории книга “Социальная психология экономического поведения”, которая самым фактом издания практически полностью закрепила (до этого в лаборатории уже были изданы три коллективных работы) новое научное направление, обозначенное нами как социально-экономическая психология, призванная заниматься социально-психологическим анализом микроэкономических явлений. В связи с опубликованием данной книги хочется дать несколько комментариев-фактов. Во-первых, ее издание предварялось заявкой на академический конкурс монографий, посвященный 275-летию

А.Л. Журавлев, Т.К. Мелешко и А.В. Брушлинский
(Тверь, октябрь 2001 г.)

Дав согласие и тем уже сделав шаг навстречу, Андрей Владимирович очень серьезно готовился к научному докладу, который, после некоторого совместного обсуждения, он посвятил по сути возможным приложениям психологической концепции субъекта к решению некоторых проблем управления в современных российских условиях. Доклад получился очень содержательным, перспективным и, что его удивило, близко принятым участниками конференции. Дело в том, что понятие субъекта, при всем разнообразии его понимания, изначально широко использовалось в психологии управления применительно к руководителю и, в широком смысле, управленцам, аппарату управления и управленческому коллективу, трудовому коллективу и целой организации, органам самоуправления и т.д. Новый взгляд на психологические проблемы управления такого видного методолога, теоретика и практикующего руководителя научной организации вызвал огромный неподдельный интерес участников конференции. Было заметно и его большое удовлетворение и искренний интерес к проблемам. Такой шаг навстречу был для меня мощной научной поддержкой: Андрей Владимирович со своей концепцией пришел на “мое” профессиональное “поле”, которое в результате стало совместным, удачно вписываясь и развивая сложившиеся традиции, заложенные еще нашими предшественниками, —

Б.Ф. Ломовым, В.Ф. Рубахиным, К.К. Платоновым.

Как и предыдущие совместные командировки, эта поездка сделала человеческие качества Андрея Владимировича еще более привлекательными для меня, но главное, что Тверь нас духовно сблизила, став для меня каким-то символом. А дальнейшие события лишь упрочили этот символ навсегда, его уже ничто не сможет заменить!

В июне 2001 г., еще до наших отпусков, Брушлинский со своими заместителями приступил к обсуждению вопроса о подготовке юбилейной научной конференции нашего Института, которая должна была состояться в конце января 2002 г., а решение об этом было принято еще раньше. Достаточно остро встал вопрос о председателе оргкомитета, так как оба зама, естественно, воспринимали в этой роли директора Института, а Андрей Владимирович настаивал на моей кандидатуре, к принятию чего я психологически не был готов. Первоначально я воспринимал это как изменяемое решение, но многократные переговоры с глазу на глаз показали, что в этом он был непреклонен как только мог бывать, и это знают многие. Его аргументация сводилась к тому, что отмечается двойной юбилей: 30-летие Института и 75-летие со дня рождения Б.Ф. Ломова, и для многих сотрудников Института второе значимее,

а так как я – ученик Бориса Федоровича, то, естественно, должен возглавить оргкомитет этой конференции. Мы вводили в обсуждение самые разные аргументы, например: для психологов из других организаций г. Москвы и регионов это будет абсолютно непонятно, или РГНФ может не дать грант на проведение конференции и т.д. Хорошо помню, что комментируя последний, он шутя сказал: “Несомненно дадут! Все будет хорошо! Ну что вы, коллеги?!”. Было ясно видно, что Андрей Владимирович внутренне принял решение, изменить которое нельзя. Я сделал шаг навстречу, приняв груз психологической и организационной ответственности, и приступил к подготовке первого информационного письма для рассылки, формированию рабочей группы и чуть позднее – подготовке заявки на грант.

В связи с конференцией у нас было несколько разговоров по моей инициативе вокруг ее научной программы, но в этом было полное взаимопонимание: фактически он принимал все мои предложения о принципах и конкретном наполнении пленарного заседания, по основным научным направлениям работы конференции, темам двух “круглых столов” и т.д. Его предложения, которые были легко приняты, касались регламента докладов на пленарном заседании и последовательности поздравлений представителями различных организаций, с чего и начиналось это мероприятие. Формулируя свои предложения, Андрей Владимирович проявил высокую степень доверия, так как они относились к разряду политических вопросов в науке, к которым он всегда был очень чувствителен. Во время этих обсуждений невозможно было представить, что содержание юбилейной конференции станет последней темой нашего сотрудничества. Во время конференции все наше взаимодействие было “на ходу”, так как у каждого были свои задачи, которые не пересекались, и только какие-то многочисленные, в основном незначительные поводы сводили нас в одном пространстве, которое всегда было публичным и заставляло, хотя и вместе, но не обсуждая, решать те или иные вопросы.

Юбилейная конференция, подготовкой к которой мы прожили трудных семь месяцев, завершилась, и мне казалось, а скорее я просто был уверен, что завтра все будет так легко и просто и, главное, надолго. И тут трагедия! Я отчетливо помню тот 1 час 30 минут ночи, в котором впер-

вые в жизни общался с криминалистом и с которого пошел отсчет совсем другому времени...

И это время стремительно летит: многое забудется, а что-то, наоборот, станет помниться лучше. Последнее мною хорошо чувствуется уже сейчас! И тот год, который мы живем без Брушлинского, ясно показал: мое понимание Андрея Владимировича не просто возрастает, а происходит это более интенсивно, чем в предыдущие 27 лет! Жаль только, что он уже не может сделать шаг навстречу, так нужный мне сейчас... Спасает память и мысли о таких шагах, и от этого становится уже легче! Ловлю себя на том, что часто думаю и внутренне произношу: “Как понимаю я сейчас Брушлинского!”. А каждый Божий день рождает такие непростые ситуации, в которых оказываешься, как раньше он!

Сейчас устанавливается, возможно, не просто другое время, но и другая историческая эпоха. Уверен в том, что нашим Учителям “достались” более тяжелые времена. То, что Б.Ф. Ломов “пробил” Институт психологии в системе Академии наук, сформулировал его научную платформу, за короткий период времени сделал его авторитетнейшим научным учреждением – это безусловно научный подвиг! То, что А.В. Брушлинский провел Институт через тяжелейшие времена радикальных трансформаций в обществе, сохранив его целостность, уникальность и фундаментальность, – в этом содержательно другая заслуга, но также бесспорно составляющая научный подвиг. Благодаря всему этому в нашем Институте продолжают успешно развиваться как традиционные, так и принципиально новые научные направления, общеизвестные и новые формы совместной жизнедеятельности: учебно-педагогической, научно-организационной, научно-практической и др.

Естественно, всех нас ждут в жизни новые испытания, но есть у нас крепкий фундамент и не менее прочное научное строение нашего Института, что было создано Б.Ф. Ломовым, А.В. Брушлинским и многими другими, ушедшими от нас. А потому мы просто обязаны остро переживать ответственность и перед Историей нашего Института, и за наше совместное Будущее...

*А.Л. Журавлев,
доктор психол. наук, профессор,
и.о. директора ИП РАН,
Москва*